

ИНДОНЕЗИЙСКАЯ АРМИЯ и ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ

Предлагаемая тема актуальна, поскольку роль и влияние военных институтов в Индонезии объемно отражают динамику политических процессов в этой стране, развития политической культуры, осознания гражданами себя как субъектов политики. Опрос, проводившийся агентством Poltracking Indonesia в ноябре 2017 г. (2400 респондентов), показал, что 76% опрошенных считают армию институтом, заслуживающим доверия. Почти столько же – 75% – поставили на второе место президента Джоко Видодо, 68% доверяют Комиссии по борьбе против коррупции, 63% - Центральной избирательной комиссии, 61% - государственной полиции. Парламент заслуживает доверия в глазах 34%, политические партии – 38,1% ¹.

Примерно те же результаты были получены в результате опросов, проводившихся другими агентствами в начале января 2016 г. Тогда, комментируя эти результаты, обозреватель газеты «Джакарта пост» писал 7 февраля 2016 г., что они служат суровым предупреждением гражданским политикам, которые в своих междоусобных распрях постоянно ищут поддержки действующих или отставных офицеров, независимо от того, насколько запятнано кровью их прошлое.

Последние слова подразумевают немало событий последних десятилетий до 1998 г., когда индонезийская армия выступала в роли инициатора и исполнителя массовых репрессий. Речь идет в первую очередь о событиях 1965-1966 гг., когда по инициативе генералитета была развязана кампания массового террора, унесшая жизни, по крайней мере, миллиона ни в чем не повинных членов левых организаций, ложно обвиненных в попытке государственного переворота, и приведшая к установлению военно-авторитарного режима «нового порядка».

Серия политических реформ, последовавших за падением этого режима в 1998 г. в результате политического и экономического кризиса, привела к коренной перестройке государственного устройства, законодательному обеспечению прав человека и политических свобод населения, реальной выборности центральных и местных

органов власти, отмене статуса армии как самодовлеющего политического института, стоящего над обществом и государством, обеспечению достаточного уровня гласности (в Индонезии эквивалентом этого термина является «открытость»). Но все это происходило в стране, не имевшей достаточных традиций гражданского общества, где коррупция, распри между государственными институтами (например, между полицией и Комиссией по борьбе с коррупцией), между партийными элитами и внутри них стали достоянием обществу. Средний индонезиец еще не ощутил себя независимым субъектом политической жизни и отчасти испытывал ностальгию по временам «нового порядка», когда порядок в основном обеспечивали военные структуры, притом что страна достаточно быстро преодолела последствия экономического кризиса 1997-1998 гг. и вышла на вполне удовлетворительный уровень темпов развития. После 1998 г. армия в существенной мере избежала последствий «открытости», ее специфика позволяет скрыть от посторонних глаз внутренние процессы и явления, в особенности, негативные.

В соответствии со ст.30 Конституции с поправками, внесенными в 2000 г., на вооруженные силы возлагается задача защищать, охранять и оберегать целостность и суверенитет государства Республики Индонезии (п.3). К задачам полиции были отнесены поддержание безопасности и общественного порядка, утверждение законности (п.4).

Принятый в 2004 г. закон №34 о статусе армии, которая после смены режима стала именоваться Национальная армия Индонезии, (чтобы отмежеваться от наследия 1966-1998 гг., когда она называлась Вооруженные силы Республики Индонезии), устанавливал, что она является «профессиональной армией, надлежащим образом обученной, воспитанной и оснащенной, не участвующей в практической политике и бизнесе..., следующей политическому курсу государства, основанному на принципе демократии, верховенства гражданских институтов, норм национального права и ратифицированных актов международного права» (ст.2, п.d).

Неучастие в практической политике было прямым указанием на отказ от действовавшей при «новом порядке» доктрины «двойной функции» вооруженных сил Индонезии, в соответствии с которой они выступали не только как структура, обеспечивающая оборону государства, его суверенитет и целостность, но и как самостоятельный политический институт.

В соответствии с законом №34 была сформулирована и принята в 2007 г. новая доктрина, где отсутствовало прежнее положение о социально-политической функции армии, обязанности которой теперь определялись как защита государственного суверенитета, сохранение территориальной целостности страны, защита нации от угроз и посягательств². Заметим, что эта формула, как и некоторые другие, подвержена достаточно широкому спектру толкований.

Но легче издать закон и принять доктрину, чем изменить психологию, самоидентификацию военной касты, которые воспитывались десятилетиями и связаны не только с обязанностями перед нацией, но и с немалыми привилегиями. В позиции командования вооруженных сил тесно переплелись кастовый интерес с осознанием национальных интересов. Как отмечала сингапурская газета «Стрейтс таймс» (02.02.2004), «важно учитывать, что Национальная армия Индонезии является одним из самых современных институтов в стране, и она способна учиться и адаптироваться к новым ситуациям». Добавим, что индонезийская армия при всех пятнах ее прошлого остается, прежде всего, носителем националистической идеи.

Это сочеталось с существенной востребованностью со стороны значительных по численности слоев населения в условиях внутренних распрей в гражданской элите, недостаточной эффективности и коррумпированности госаппарата. Армия все более воспринималась как наиболее целостная национальная организация. Уже в начале 2000-х гг. начинает прослеживаться настойчивая тенденция к усилению присутствия военных в политической сфере. Здесь мы ограничимся проявлениями этой тенденции в последнем десятилетии.

В 2012 г. был принят закон «Об урегулировании социальных конфликтов», в соответствии с которым армия может привлекаться к операциям в этой области, однако, руководящая роль в подобных операциях отводится полиции. Это ограничение, вполне соответствующее ст.30 Конституции, с самого начала вызывало недовольство генералитета, стремившегося обосновать необходимость большей самостоятельности армии в подобных ситуациях. В августе 2013 г. генерал Мулдоко, кандидатура которого рассматривалась на пост главкома вооруженных сил, выступая перед членами 1-й комиссии парламента, говорил о необходимости пересмотра концепции национальной безопасности Индонезии ввиду появления новых угроз помимо войн в прямом понимании этого слова. Эти

угрозы, в первую очередь терроризм и межобщинные конфликты, проистекают от негосударственных акторов. «Национальная армия Индонезии обеспокоена возможностью возникновения "асимметричных" войн, учитывая положение страны как архипелага, что облегчает всякого рода проникновения. Им способствуют демократизация, плюралистическая природа общества и глобализация, оказавшие неоднозначное воздействие на нашу страну. Армия должна быть готова к асимметричным войнам с необычными, неожиданными характеристиками»³.

Упоминание о демократизации как источнике уязвимости страны не было случайным. Через месяц, выступая перед студентами мусульманского университета в Маланге уже в качестве главнокомандующего вооруженными силами, генерал Мулдоко говорил о чрезмерной зависимости Индонезии от импорта продовольствия, об энергетическом кризисе, о нехватке воды и т.п. Перечисляя проблемы, стоящие перед страной, Мулдоко заявил, что в результате реформ новые национальные ценности еще не сформулированы, а старые уже оставлены. Четыре столпа нации (унитарное государство; национальная идеология панча сила; Конституция 1945 г.; девиз «Единство в многообразии») уже как бы ушли в прошлое, уступив место новому образу жизни с его сиюминутными интересами, приспособленчеством, неготовностью к упорному труду. В результате Индонезия становится неконкурентоспособной, излишне зависимой от других государств⁴.

В этом высказывании настойчиво прослеживается стремление (оно присутствует в выступлениях и других военачальников) убедить общественность, что реформы после 1998 г., которые ввели в стране современные демократические нормы политической жизни, отбросили Индонезию назад, сделав ее уязвимой в отношении многих современных угроз. Подразумевается, что в условиях двойной функции вооруженных сил страна была более безопасной и перед ней открывались более позитивные перспективы. Что касается, в частности, зависимости от внешних источников, заметим, что действующее законодательство об иностранных капиталовложениях в целом принял режим «нового порядка» в 1969 г.

Ностальгия по роли, которую играла армия до 1998 г., прослеживается в позиции весьма влиятельной Ассоциации ветеранов сухопутных войск. Входящие в нее генералы, в отличие от находящихся на действительной службе, формально свободны от ограничений в политической деятельности. Глава Ассоциации генерал Су-

рьяди, в свое время заместитель начальника штаба сухопутных войск, заявляет, что индонезийская конституция после четырех пакетов поправок, внесенных в нее в 1999-2002 гг., стала либеральной и перестала служить индонезийскому народу. Он выразил надежду, что национальное руководство возглавят лучшие сыны Индонезии из нового поколения, а роль армии будет заключаться в том, чтобы, оставаясь в рамках нейтральности, обеспечить воплощение в жизнь устремлений народа к справедливости и процветанию⁵. С уходом в отставку воззрения индонезийских генералов, как правило, не изменяются и, уйдя с действительной службы, они открыто и активно продвигают цели, которые исповедовали до отставки.

В речах индонезийских военачальников нарастает звучание мотивов внешней угрозы. Будущий главком вооруженных сил генерал Гатот Нурмантьо, еще в должности начальника штаба сухопутных войск, говорил в марте 2015 г., что часто внутренние конфликты инспирируются извне. Он указал, что многие конфликты, в частности, в Ираке, Судане, Нигерии и в других странах порождались борьбой за источники нефти. Операция «Буря в пустыне» началась потому, что США опасались чрезмерных колебаний цен на нефть. В целях ослабления государств разжигаются «гибридные войны», включая распространение наркотиков. Особый упор генерал сделал на то, что назвал разжиганием социальных конфликтов и забастовочного движения⁶. Заметим, что внешний характер угрозы подразумевает право самостоятельного участия армии в противостоянии ей. Отметим также упоминание США как страны, ставящей свои интересы превыше всего и способной на любые формы вмешательства в дела других государств для обеспечения этих интересов. Это не единичное высказывание Г.Нурмантьо в подобном ключе. Позже, уже в качестве главкома вооруженных сил, он скажет, что позитивный экономический рост Индонезии в условиях глобального замедления темпов развития, изобилие в стране природных ресурсов приводят к тому, что Индонезия становится предметом борьбы различных интересов. Усилия по подрыву единства в многообразии в Индонезии сопоставимы с тем, что произошло в Ливии, Ираке и Сирии. Индонезию хотят расколоть, чтобы она стала доступной⁷.

В ноябре 2016 г. главком обратился к личному составу Восточного флота с призывом к военнослужащим стать истинными будущими лидерами, поскольку за страной пристально наблюдают. «Есть договор об обороне пяти государств (Великобритания, Ав-

стралия, Новая Зеландия, Сингапур и Малайзия), которые постоянно отслеживают все, что происходит в Индонезии». Поэтому необходимо сохранять самый высокий уровень бдительности, пристально следя за спорными регионами Сипадан-Лигитан и Амбалат, проектом примывания побережий, выходящих в сторону Индонезии, и постоянно осуществлять патрулирование боевых кораблей. В последнее время с использованием новейших технических достижений пытаются воздействовать на различные стороны жизни в Индонезии, поэтому главнокомандующий призвал все силы нации не допускать, чтобы в глобальной конкуренции индонезийцев стравливали между собой⁸. В выступлениях индонезийских военачальников все чаще звучит мысль, что в условиях роста населения в мире и роста конкуренции за овладение источниками сырья, продовольствия и энергии, Индонезии, экваториальной стране с обильными природными богатствами, грозит особая опасность⁹.

В апреле 2017 г. Г.Нурмантьо заявил, что иностранные государства используют семь сфер, чтобы завладеть Индонезией:

- подрыв национальной экономики;
- подрыв продовольственной безопасности;
- установление контроля над информационными потоками, подрыв морали;
- воздействие на стиль жизни и поведение людей;
- развитие секс-индустрии, потребления наркотиков и алкоголя;
- подрыв функций семьи и других аспектов существования Индонезии как нации и государства;
- насаждение радикальных взглядов и сепаратизма, возбуждение трений в обществе.

По мнению генерала, противостоят этим проискам можно только при условии неизменной верности государственной идеологии¹⁰.

Таким образом, прослеживается последовательное продвижение в центр общественного сознания идеи нарастания внешней угрозы, что следует рассматривать, по крайней мере, в трех измерениях. Первое, реальные угрозы, вытекающие из стремления США направить процесс глобализации в сторону создания однополярного мира. Второе, внешние угрозы тесно переплетаются с внутренними, прежде всего, с активизацией радикального исламизма и терроризма. Питаясь внутренними социальными факторами, они получают подпитку и из внешних источников, а это опять-таки дает по-

вод говорить о самостоятельной роли армии в противостоянии внешним опасностям. Одновременно генералы подчеркивают, что в вооруженных силах нет деления личного состава по этническому, конфессиональному и социальному признакам, и армия не потерпит движений, которые хотят расколоть нацию, используя эти различия¹¹. Третье: ряд угроз исходит из информационной сферы, и, следовательно, борьба с ними должна вестись наряду с другими методами путем урезания свобод, которые общество обрело после 1998 г.

Заслуживает в этой связи мнение директора правозащитной организации «Imparsial» Аль Арафа. Он считает, что Г.Нурмантьо в своих высказываниях преследовал две взаимосвязанные цели – действовать в интересах собственных политических амбиций и заручиться поддержкой для расширения политической роли армии. Коль скоро стоящие перед Индонезией проблемы, начиная с терроризма и наркотиков и кончая гомосексуализмом, порождаются внешним вмешательством, естественный вывод заключается в том, что только армия может решать их и что она должна быть вовлечена в этот процесс¹².

Одновременно проявляется исконное стремление индонезийской элиты (как военной, так и гражданской) к политической гегемонии в Юго-Восточной Азии. Вступив в должность в конце 2014 г., президент Джоко Видодо заявил, что индонезийская армия и оборонная промышленность должны не просто удовлетворять минимальным требованиям, но и быть силой, с которой считались бы в регионе. Страна не должна более зависеть от импорта военной техники и нужно переходить к получению технологий при закупке вооружений за границей¹³. Главком вооруженных сил в то время генерал Мулдоко пошел дальше, сказав, что индонезийская армия должна быть старшим братом по отношению к армиям других стран АСЕАН в интересах безопасности региона¹⁴. Ему принадлежит и более радикальный лозунг: «Индонезия должна стать азиатским тигром, и для этого быть сильной во всех сферах – экономической, политической, военной и др.»¹⁵. Еще в период президентства С.Б.Юдойоно начала осуществляться программа перевооружения сухопутных войск, флота и авиации.

Одновременно армия расширяет фактическое участие в сугубо гражданских делах. В 2013 г. в прессе появились сообщения, что командование вооруженных сил возрождает программу, разработанную в период «нового порядка» под названием «Армия идет в

деревню». Сейчас программа называется «Армия участвует в развитии деревни» и предполагает, что военнослужащие будут участвовать в развитии инфраструктуры и прививать населению знания в сферах «гражданской и оборонной стратегии». Это серьезно обеспокоило правозащитников, полагающих, что обучением населения должны заниматься гражданские структуры¹⁶. В 2015 г. в рамках этой программы во многих районах и городах страны были сделан упор на религиозное воспитание населения. Характерно, что армия предложила Министерству по делам религий участвовать в этой кампании. Как заявил министр Лукман Хаким Саифуддин, «нам доверили стать партнерами в осуществлении этой программы». Он справедливо указал, что эта кампания нужна для противодействия распространению идеологии ИГИЛ¹⁷, но примечательно, что министерство смиренно восприняло роль младшего партнера по отношению к военным в той сфере, где ведущая роль должна была принадлежать именно этому ведомству.

Армия сохраняет ряд структур, созданных в период «нового порядка», в частности, институт сержантов-наставников в деревнях. В соответствии с приказом начальника штаба сухопутных войск от 19 апреля 2008 г. сержант-наставник подчиняется командованию местного военного района¹⁸. Таким образом, сержанты-наставники суть аппарат, сугубо автономный от гражданской власти, действуют по указаниям военного командования и подотчетны только ему. Как сообщил начальник управления информации вооруженных сил генерал-майор Фуад Баша в интервью журналу «Темпо», опубликованном 9 июня 2014 г., задача сержантов-наставников заключается в участии в поддержании национальной обороны и безопасности. Они отвечают за отслеживание и своевременную информацию о демографической ситуации, социальных процессах, природных явлениях (наводнениях, землетрясениях), а также о контрабанде, незаконных сделках или появлении иностранных кораблей в индонезийских территориальных водах. По словам Ф.Баша, в идеале сержант-наставник должен иметь воинское звание унтер-офицера или выше, но дефицит кадров приводит к тому, что на эти должности назначают капралов.

В этой связи возникают, по крайней мере, два вопроса. Первый. Каково юридическое обоснование роли, которую играют сержанты-наставники (помимо внутренних документов военного ведомства) и что обязывает население принимать «наставничество» капралов и сержантов? Второй. Исполнение обязанностей, перечень

которых приведен выше, требует достаточного уровня образования, владения хотя бы в общих чертах некоторыми специальными знаниями. Может ли всем этим обладать человек в звании капрала, да еще в условиях нехватки кадров, когда, по словам того же Ф.Баша, на одного наставника иногда приходится три-четыре деревни?

В ходе кампании по выборам президента в 2014 г. группа поддержки Джоко Видодо выражала претензии в связи с тем, что сержанты-наставники на местах использовались в интересах его соперника отставного генерала Прабово Субианто. По этому поводу возникли разногласия между начальником штаба сухопутных войск генералом Будиманом, который заявил, что такие факты действительно имели место, но виновные уволены со своих постов, и его непосредственным начальником главкомом вооруженных сил генералом Мулдоко, начисто отрицавшим какое-либо вмешательство военных структур в кампанию¹⁹.

Избрание в 2014 г. президентом страны Джоко Видодо, не имевшего, в отличие от большинства его предшественников корней в бюрократических или военных структурах, по-видимому, вселило в военную элиту надежды, что он будет попустительствовать ей в упрочении политических позиций. Новый министр обороны отставной генерал Р.Рьякуду заявил, что армия будет наращивать свое участие в жизни сельских общин, а главком Мулдоко обещал, что военные будут помогать крестьянам в земледелии, развивать инфраструктуру. Мулдоко также сообщил, что он просил министра культуры и просвещения дать соответствующую подготовку 2000 военнослужащих, чтобы в некоторых районах они могли преподавать в школах. При этом он сказал, что программа «Армия участвует в развитии деревни» имеет целью повысить благосостояние населения, а также возродить (!) дух патриотизма и национализма²⁰. Вновь армия позиционируется как главный и неизменный носитель национального духа.

Военные участвуют в сугубо гражданских сферах крестьянской жизни. В мае 2015 г. сообщалось о встрече генерала Мулдоко с главой Управления снабжения Лени Сугихатом, где обсуждался вопрос обеспечения продовольственной безопасности страны. Л. Сугихат просил, в частности о помощи в распределении рисовых пайков для несостоятельных семей²¹. При кажущейся второстепенности этой договоренности, фактически бедняки получали рис из рук военных. На местах в рамках обеспечения продовольственной безопасности сержантам-наставникам поручено распространять пе-

редовой опыт сельскохозяйственного производства и применения минеральных удобрений²².

Военнослужащие пехотного батальона, дислоцирующегося на острове Тимор у границы с Тимор Леште, взяли своеобразное шефство над учениками католической начальной школы, читают им сказки, показывают кукол, а в некоторых случаях заменяют заболевших учителей (математики, физкультуры, индонезийского языка), обучают строевым приемам, воспитывают в духе индонезийского национализма²³. В качестве особой формы участия военных в гражданских делах отметим, что в одном из районов Папуа военнослужащие Стратегического резерва сухопутных войск оказали содействие в проведении обряда обрезания для мальчиков-мусульман²⁴. В столичном районе Бекаси местным властям поступила жалоба на то, что в одном из домов проживают три пары, не состоящие в законном браке. Разбираться в ситуации вместе с представителями гражданских властей и полиции отправились и военные²⁵.

При этом необходимо признать, что в ряде случаев силовые структуры используются в силу нехватки или неэффективности гражданских структур. Подразделения армии и полиции были направлены для оказания помощи населению отдаленного района провинции Папуа, где недоедание и эпидемия кори привели к массовой гибели детей при практическом отсутствии гражданского медицинского персонала. На сержантов-наставников и полицейских была возложена обязанность прививать населению элементарные гигиенические привычки вплоть до надлежащего отправления естественных надобностей²⁶. Так или иначе, подобные акции военных позиционируют их как наиболее эффективный институт, могущий придти на помощь самым обездоленным слоям общества в трудной ситуации. Это особенно чувствительно в 2018 г. через 55 лет после восстановления суверенитета Республики Индонезии над западной частью острова Новая Гвинея при продолжающихся там операциях армии против сепаратистов Организации независимого Папуа.

В мае 2015 г. был подписан меморандум о сотрудничестве военного ведомства с антинаркотическими службами²⁷.

Весьма показательны были события начала 2015 г., когда по указанию президента армия взяла под защиту штаб-квартиру Комиссии по борьбе с коррупцией. Одного из высших чиновников Комиссии государственная полиция обвинила в лжесвидетельстве и намеревалась провести обыски в помещениях, занимаемых КБК. С

просьбой о защите к армии обратился глава Комиссии Абрахам Самад. Не вдаваясь в подробности этой истории, отметим, что она была воспринята общественностью как признак де-факто возвращения армии политических функций. При этом опрос, проведенный тогда одним из институтов изучения общественного мнения, показал, что армия имеет самый высокий уровень доверия в стране (наравне с новоизбранным президентом Джоко Видодо)²⁸.

В 2015 г. Министерство обороны выступило с программой «Защитим государство». Министр Р.Рьякуду указывал, что эта программа нацелена на формирование национального характера, укрепление дисциплины и внедрение солидарности, которая в конечном итоге подготовит граждан к тому, чтобы противостоять угрозам и выполнить свои обязанности в случае войны. Программа также направлена на внедрение государственной идеологии, чтобы иностранные идеи не смогли с легкостью заражать умы граждан²⁹. Как подчеркнул министр, выступая перед преподавателями и студентами университета в Амбоне 19 сентября 2016 г., концепция «Защитим государство» не означает, что каждый гражданин должен взять в руки оружие. Речь идет о повышении интеллектуальной готовности строить и развивать государство. Он сообщил, что координирует свои действия с министром науки, технологий и высшего образования Мухаммедом Насиром по вопросу о включении предмета «Защитим государство» в программы образовательных учреждений, и эта работа уже ведется на уровне начальных школ. Р.Рьякуду сказал, что посетит все провинции для проведения инструкторских совещаний, которые должны охватить все группы общества вплоть до низовых – соседских общин. По его оценке, гражданская сознательность общества находится лишь на среднем уровне, и ее следует повышать³⁰.

Программу поддержал президент Джоко Видодо, заявивший, что в этом вопросе нужны новые подходы, которые не сводятся к военной подготовке, а предполагают воспитание в людях уверенности в своих силах, оптимизма, взаимной помощи, духа национализма, а главное – воспитание оптимистического взгляда на будущее³¹.

Ни одно из приведенных мнений не вызывает принципиальных возражений. Вопросы вызывает сама ситуация – почему политическое воспитание, привитие патриотизма передавалось под эгиду военных структур с одобрения главы государства. 17 января 2016 г. в Джакарте прошел смотр с участием представителей всех религий под лозунгом «Все верования на защиту государства».

Принимал смотр министр обороны, который, выступая перед 10 тыс. участников, сказал, что его министерство выработало всеобъемлющую стратегию обороны, которая предусматривает привлечение к обороне всего народа³². На заседании кабинета в узком составе 26 июня 2017 г., президент отметил, что угрозы, стоящие перед страной, имеют идеологическое, политическое и экономическое измерения. Программа «Защитим государство» призвана оживить коллективную энергию нации для противостояния этим угрозам. Это относится ко всем гражданам, независимо от образования, религии или этнической принадлежности³³.

Р.Рьякуду, выступая 4 августа 2017 г. перед студентами Университета Индонезия в Джакарте, говорил, что самую большую опасность для индонезийской молодежи составляют угрозы, которые испытывает национальная идеология со стороны либерализма, коммунизма, социализма и религиозного радикализма. Для противоборства этим угрозам правительство использует как «мягкие», так и «жесткие» меры, включая усиление роли военных. Поэтому Министерство обороны в связи с программой «Защитим государство» заключило соглашения о взаимодействии с министерствами юстиции и прав человека, культуры и образования, социального обеспечения, связи и информации, а также десятками общественных организаций, с целью побудить всех граждан, в особенности, детей, любить свою страну и быть готовыми защищать национальное единство³⁴. Таким образом, военное ведомство фактически приняло на себя функцию едва ли не главного идеологического института страны, координирующего все меры по воспитанию населения и в первую очередь молодого поколения в духе патриотизма. В словах министра чувствуется сомнение в конкурентоспособности национальной идеологии.

В 2015-2016 гг. развернулась жесткая полемика вокруг проблемы установления истины о событиях 1965-1966 гг. и восстановления прав лиц, невинно пострадавших или потерявших родственников в результате репрессий. Тогда армия развернула широкомасштабный террор против левых сил, а затем отстранила от власти президента Сукарно и установила военно-авторитарный режим «нового порядка». Возникали вопросы и в связи с другими нарушениями прав человека по вине военных структур, но события полувековой давности были наиболее болезненной проблемой. Фактически под сомнение ставилась основа самоидентификации армии как самого последовательного, беззаветного и бескорыстного борца

за независимость, развитие и национальную самобытность. Эта проблема достойна отдельного рассмотрения, здесь ограничимся одним весьма характерным фактом. В начале июня 2016 г. отставные генералы, в основном, сухопутной армии, организовали симпозиум в противовес попыткам правительства достичь некоего национального примирения, по проблемам, связанным с террором 1965-1966 гг. Характерно, что среди инициатив, выдвинутых участниками симпозиума, было возвращение к первоначальному тексту конституции страны, т.е. отказ от четырех пакетов поправок, принятых в рамках демократических реформ. Мотивировка – основной закон ныне вдохновляется не государственной идеологией, а индивидуализмом, либерализмом и почти неограниченной свободой³⁵.

Дискуссия вокруг проблемы наследия конца 1960-х годов и в более широком плане вокруг морально-политического наследия «нового порядка», принимала весьма жесткий характер, и генералы выиграли больше других группировок общества в связи с развернувшейся в середине 2016 г. кампанией против губернатора Джакарты Басуки Чахайя Пурнам, которого поддерживал президент Джоко Видодо. Этнический китаец и христианин по вероисповедания, он был неправомерно обвинен радикальными исламистами в богохульстве, когда призвал избирателей не позволять себя одурачивать ссылками на суру Корана, запрещающую брать себе в друзья иудеев и христиан. Фронт защитников ислама организовал серию массовых демонстраций с требованием ареста Б.Ч.Пурнама и предания его суду.

В интервью газете «Уолл стрит джорнел», перепечатанном сингапурской газетой «Стрейтс таймс» 20 апреля 2007 г., бывший президент Индонезии Абдуррахман Вахид говорил, что Фронт защитников ислама был первоначально создан индонезийскими военными в надежде использовать его против реформаторов. В этом нет ничего невероятного: подобные организации нередко выходят из-под контроля своих создателей. Кроме того, как позже выяснилось, ФЗИ фактически действовал в интересах другого кандидата на пост губернатора столицы, за которым стоял отставной генерал Прабово Субианто, бывший зять президента Сухарто, соперник Джоко Видодо на президентских выборах в 2014 г. и весьма вероятный кандидат на выборах 2019 г. У президента были основания заявить в конце 2016 г., что акции радикалов осуществляются в интересах более значительных акторов.

Американский журнал «Интерсепт» опубликовал 19 апреля 2017 г. материал своего корреспондента Алана Наирка, который на основании интервью с рядом индонезийских генералов (некоторых из них он называет по имени) пришел к выводу, что, по крайней мере, часть индонезийского генералитета в основном отставников стояла за спиной ФЗИ в демонстрациях против Б. Ч. Пурнама. Но подлинной мишенью акций был не джакартский губернатор, а президент Джоко Видодо, давший основания полагать, что он может принести извинения за массовые убийства конца 1960-х годов. Содействуя демонстрациям, военные как бы предупредили президента о возможности повторения события конца 1960-х гг., если он пойдет против их интересов. Главным собеседником американского журналиста был генерал в отставке Кивиан Зейн. По его словам, главком Г.Нурмантьо и министр обороны Р.Рьякуду одобряли действия своих старших по возрасту коллег. Кстати в этом материале со ссылкой на документы Сноудена говорилось, что Фронт защитников ислама был создан по инициативе индонезийских спецслужб³⁶. Реакция Г.Нурмантьо на публикацию этого материала в одном из индонезийских сайтов была неожиданно мягкой – он распорядился направить жалобу на сайт в Совет по делам печати, но не привлекать к делу полицию, чтобы эта проблема не стала предметом полемики в обществе³⁷.

В сложной, практически предкризисной ситуации, сложившейся в связи с выборами губернатора в Джакарте Г.Нурмантьо занял достаточно взвешенную позицию. Не прибегая к насильственным мерам по отношению к исламистам и не предлагая таких мер (формально за поддержание порядка и стабильности в стране по конституции отвечает полиция), он сделал многое, чтобы перехватить инициативу у радикалов из ФЗИ, включая участие в митингах под лозунгами защиты ислама и организацию отдельных митингов под аналогичными лозунгами, но с акцентом на сохранение верности конституции и национальному девизу «Единство в многообразии».

Из этой ситуации армия, военная элита вышли как фактически едва ли не самая надежная опора власти. Их роль несомненно была позитивной, но оставляет ряд вопросов относительно тенденций в развитии и углублении демократических реформ, начатых в 1998 г. Президенту был сделан настоятельный намек, что с армией следует ладить. Присутствовавшая и ранее в выступлениях военачальников самооценка армии как источника, носителя и проводника политиче-

ской инициативы стала еще очевиднее. Г.Нурмантью, выступая 4 июня 2017 г. перед кадровыми работниками мусульманской организации Мухаммадья, одной из двух крупнейших в стране, заявил: «Демократия в том виде, в каком она сейчас осуществляется, уже не соответствует национальной идеологии и тем более исламу. Она основывается не на консультациях для достижения согласия, как это предусмотрено четвертым принципом панча сила, а на голосовании. Это противоречит пониманию демократии в мусульманской религии». Панча сила более не выступает как высший источник норм права. Генерал призвал всю общественность, а не только армию, твердо следовать государственной идеологии³⁸.

Таким образом, генерал на действительной службе прямо отвергает положения основного закона страны – выборность законодательных органов, главы государства и вице-президента установлена соответственно ст.2 (1) и ст.6А (п.1) Конституции Индонезии. Выступление в этом духе не было новостью ни для представителей военной элиты в целом, ни лично для главкома. Но конкретная ситуация в начале июня 2017 г. имела три характерных черты. Первое. Генерал выступал вскоре после разрешения предкризисной ситуации, когда радикальные исламисты создали реальную угрозу политической стабильности и армия выступила как некоторый символ стабильности. Второе. Г.Нурмантью держал речь перед представителями системной мусульманской организации и апеллировал к ней в поисках солидарности в критике демократических преобразований после падения военного режима в 1998 г. Третье. Трактовка панча сила как главного источника правовых норм отсылает все к тому же режиму, когда эта формула была официально утверждена, давая власти возможность произвольно толковать и сами принципы идеологии, и законодательные акты как бы из них вытекающие.

Выступая в Медане перед мусульманскими священнослужителями, он призвал их совместно с армией беречь и охранять государственную идеологию, приведя неожиданный аргумент, что она была дарована индонезийскому народу улемами, которые на протяжении всей истории служили единению нации. При этом, однако, он добавил: «Ели кто-то, обрядившись в облачение мусульманских священнослужителей, способствует расколу нации или под каким бы то ни было предлогом ущемляет другие религии, он таковым не является»³⁹.

В другом случае генерал утверждал, что борьба за независимость Индонезии вдохновлялась религиозными ценностями, и ее

деятели были выходцами из религиозной среды. Поэтому, подчеркнул главком, военнослужащие должны поддерживать добрые отношения с улемами и другими религиозными деятелями в интересах безопасности страны, если индонезийская армия хочет преуспеть в выполнении своей главной задачи⁴⁰. Некоторые критики Г.Нурмантьо приписывают ему связи с радикальными исламистами, обращая внимание на то, что лидер ФЗИ Хабиб Ризик Шихаб неоднократно хвалебно отзывался о генерале, одновременно понося полицию⁴¹. Характерный эпизод произошел в начале января 2017 г., когда командующий Третьим военным округом (Западная Ява) снял с поста командира одного из военных районов за то, что он самовольно привлек к военизированным занятиям в рамках программы «Защита государства» членов Фронта защиты ислама⁴². Генерал Нурмантьо высказался в том смысле, что члены ФЗИ имеют такое же право проходить такую подготовку, как и другие граждане. Он уклонился от ответа на вопрос журналистов, противоречит ли деятельность Фронта государственной идеологии. Аналогичную позицию занял министр обороны Р.Рьякуду⁴³.

Отметим, однако, что когда лидера ФЗИ Х.Р.Шихаба обвинили в распространении порнографии и он фактически вынужден был бежать из страны, никто из военных не выступил в его защиту, и вообще сколько-нибудь далеко идущий альянс между генералами и радикальными исламистами маловероятен. Позицию генералов скорее отражает призыв Г.Нурмантьо к религиозным общинам взаимодействовать с вооруженными силами – армия и народ должны шагать в ногу⁴⁴. Личные мотивы главкома видимо заключались в поисках популярности у мусульманской общины в предвидении его возможного участия в президентских выборах 2019 г.

Развитие событий по некоторым признакам вызвало у Джоко Видодо опасения, что генералы и, в частности, главком вооруженных сил, ведут дело к наращиванию политических функций армии. На годовом совещании высшего командного состава вооруженных сил 16 января 2017 г. он призвал военных придерживаться единства взглядов и мнений с правительством, учитывая, что стране предстоит столкнуться с многими вызовами внутри страны и на внешнем фронте⁴⁵. Он не конкретизировал эти слова, но само предположение, что у армии могут быть взгляды и позиции, отличные от линии правительства, говорит о многом.

В апреле 2018 г. Г.Нурмантьо предстояло по возрасту выйти на пенсию, и уже осенью 2017 г. в СМИ началось активное обсуж-

дение его будущей судьбы. Судя по выступлениям партийных лидеров, его хотели бы видеть в своих рядах Голкар, Партия демократов, Партия национального возрождения, Партия единства и развития (последние две – мусульманской ориентации)⁴⁶.

Аналитики расходились в предсказаниях о месте Г.Нурмантьо на предстоящих в 2019 г. президентских выборах – будет ли он претендовать на пост первого лица в государстве или выступит в тандеме с Джоко Видодо или Прабово Субианто. При этом отмечалось, что генерал стал играть центральную роль в некоторых общественных процессах, связанных с религией, и этим привлек симпатии мусульман, многие из которых недовольны Джоко Видодо, в частности, в связи с его указом об общественных организациях⁴⁷. Этот указ от 10 июля 2017 г., утвержденный парламентом в качестве закона, дает исполнительной власти право распускать общественные организации, причастные к антигосударственной деятельности, и был воспринят многими как направленный против радикальных мусульман. Сам генерал заявил, что готов служить стране на любом посту, на который его призовут⁴⁸.

Седьмого декабря 2017 г. президент официально ввел в должность главнокомандующего вооруженными силами маршала авиации Хади Чахьянто, освободив от нее генерала Г.Нурмантьо. В этой замене два обстоятельства привлекли всеобщее внимание. Первое – некоторая поспешность, его пенсионный возраст наступал почти через четыре месяца. Сам он объяснял это тем, что его преемнику нужно время, чтобы полностью войти в курс дела до наступления политически напряженного 2018 г., когда предстояли выборы в местные органы власти, и в преддверии парламентских и президентских выборов 2019 г.⁴⁹. Второе – назначение на пост главкома представителя ВВС, возвращение к принципу ротации на этом посту военачальников из различных видов вооруженных сил – сухопутной армии, авиации и флота. (В 2015 г. Джоко Видодо нарушил этот порядок – Г.Нурмантьо сменил своего коллегу из сухопутных войск). Возможно, это было вызвано тем, что военачальники флота и авиации меньше склонны рассматривать армию как самодовлеющую политическую структуру.

Заслуживает внимание служебная лестница, по которой маршал поднимался к нынешней высоте, – командир базы ВВС в Соло в 2010-2011 гг. (в бытность нынешнего президента мэром этого города), начальник службы информации ВВС в 2013-2015 гг., командир базы ВВС в г.Маланг (Восточная Ява) в 2015 г., военный секре-

тарь президента в 2015-2016 гг., начальник штаба ВВС с января 2017 г.⁵⁰. Бросается в глаза, что опыт пребывания Х.Чахьянто на высших должностях в авиации сравнительно невелик. Это приводит к выводу, что мотивы президента носили скорее политический характер. Политолог из университета «Паджаджаран» в Бандунге Муради писал: «Политическое поведение прежнего главкома вооруженных сил потребовало определенности в том, что его преемник не будет иметь каких-либо устремлений в области практической политики. Такие устремления наносят вред вооруженным силам и ставят их в весьма неблагоприятное положение». Автор подчеркивал, что фигура Чахьянто как бы символизирует смену поколений и открывает двери для людей с более свежими и передовыми взглядами⁵¹. Еще более определенно высказался директор Института «Setara», занимающегося текущими политическими процессами, Хендарди: «Ускорение замены главнокомандующего вооруженными силами ускорит и процесс реформирования армии, который в период пребывания во главе ее Гатота Нурмантьо испытал не только застой, но и прямой откат вследствие преждевременно вырвавшихся на поверхность политических устремлений главкома»⁵².

За три дня до отставки с поста главкома Г.Нурмантьо подписал приказ об увольнении в запас и перемещениях по службе, коснувшийся 85 высших офицеров. Новый главком 19 декабря отменил этот приказ в части, касавшейся 16 генералов. В частности, было отменено увольнение генерал-лейтенанта Эдди Рахмаяди, командующего Стратегическим резервом сухопутных войск, важнейшим оперативным соединением армии⁵³. Маршал заверил, что руководствуется только соображениями целесообразного использования кадров⁵⁴. Впрочем, уже 4 января 2018 г. он досрочно перевел генерала в предпенсионный статус, а 9 марта подписал приказ о перемещениях 33 высших и старших офицеров сухопутной армии, авиации и флота.

В ходе перестановок в кабинете в середине января 2018 г. президент назначил на должность руководителя своего аппарата генерала Мулдоко, бывшего до 2015 г. главкомом вооруженных сил, а после отставки возглавившего Союз крестьян Индонезии. Это было явным жестом в сторону сухопутной армии с целью компенсировать уход ее военачальника с высшего военного поста. В прессе высказывалось предположение, что Мулдоко может стать кандидатом на пост вице-президента на выборах 2019 г.⁵⁵.

Выступая 23 февраля в Маланге, Хади Чахьянто обозначил три опасности, которые, по его мнению, угрожают Индонезии – киберугроза, эпидемии и последствия неравенства, которые рождают в людях разочарование и, как его следствие, популизм, экстремизм и радикализм. Он сказал, что армия и полиция видят в средствах массовой информации самое мощное средство, которое может быть использовано для сокрушения нации. По его мнению, мечеть является одним из центров цивилизации, способных противостоять последней угрозе⁵⁶.

Восьмого января 2018 г. маршал направил в парламент письмо, в котором предлагал включить в обсуждаемый проект закона о борьбе против терроризма определение этого последнего не как уголовного преступления, а как преступления против государства. В этом же смысле ранее высказывался Г.Нурмантьо⁵⁷. По действующему законодательству армия может принимать участие в операциях внутри страны, в том числе против терроризма только в форме содействия полиции по решению президента и с согласия парламента. Предлагаемая формулировка призвана дать армии самостоятельную роль, право инициативы. Имеются опасения, не лишены оснований, что она станет легитимацией возвращения армии функции самодовлеющего политического института. Учитывая, что в рядах высшего офицерства сохраняются сильные критические настроения по отношению к демократическим преобразованиям, нет оснований для полной уверенности, что эта роль будет использоваться только против терроризма.

Возможно, что позиция нового главкома диктуется желанием заручиться поддержкой генералитета сухопутной армии в предвидении вероятного осложнения политической обстановки в связи с выборами. Вместе с тем, открывая первое в своем новом качестве совещание высшего командного состава вооруженных сил и полиции 23 января 2018 г., маршал Хади Чахьянто делал упор на необходимость самого тесного сотрудничества двух силовых ведомств в осуществлении политического курса президента и правительства⁵⁸.

Армия сохраняет присутствие в гражданских сферах. Шестого февраля 2018 г. министр финансов Сри Мульяни, министр-координатор Л.Панджаитан и маршал Хади Чахьянто обсуждали вопрос о повышении денежного содержания сержантов-наставников с тем, чтобы довести их до окладов при выполнении военных задач⁵⁹. Речь идет о сфере, где армия глубоко внедрилась в гражданские структуры. Когда в марте 2018 г. решался вопрос о

смягчении режима ввиду ухудшения здоровья для престарелого радикального исламиста Абу Бакар Башира, отбывавшего 15-летний срок в тюрьме, президент консультировался с министром обороны⁶⁰.

Сейчас рано говорить о том, станет ли президентство Джоко Видодо неким поворотным пунктом в истории вооруженных сил Индонезии и, в известном смысле, политической истории индонезийского общества. Секрет сохранения превосходства армии над большинством институтов государства в Индонезии кроется в том, что становление гражданского общества в Индонезии все еще находится в процессе, и отсюда надежды, которые многие индонезийцы склонны возлагать на силовую структуру в деле обеспечения своих насущных потребностей. Добавим к этому, что другая часть населения возлагает те же надежды на внедрение законов шариата в качестве обязательных. В обоих случаях фактически речь идет о признании приоритета силы над индивидуальными и общественными правами человека.

Армия полагает (во всяком случае, генерал Г.Нурмантьо это демонстрировал), что в отличие от партий она способна поставить национальные интересы выше собственных. Это не бесспорный тезис, учитывая, что в известном смысле армия, в особенности сухопутные войска, их офицерский корпус, превратилась в своеобразную партию со своими интересами. Как представляется, сейчас многое, если не все, зависит от того, останется ли Джоко Видодо у власти на второй срок (2019-2024) и удастся ли ему продолжить тот курс, который сейчас выглядит как первые попытки (после президента А.Вахида) ввести армию в фарватер гражданского общества. Тенденции формирования в начале 2018 г. достаточно широкого блока партий, выступающих за переизбрание нынешнего главы государства, дает в этом отношении некоторые надежды, хотя за оставшийся год многое может измениться.

¹ Suara Pembaruan (Jakarta), 27.11.2017.

² Kompas (Jakarta), 25.01.2007.

³ The Jakarta Post, 22.08.2013.

⁴ Suara Pembaruan, 17.01.2014.

⁵ Suara Karya (Jakarta), 12.09.2013.

⁶ Suara Pembaruan, 11.03.2015.

⁷ Suara Pembaruan, 08.11.2016.

- ⁸ Antara News, 08.11.2016.
- ⁹ См., например, Suara Pembaruan, 10.08.2016.
- ¹⁰ Republika (Jakarta), 04.04.17.
- ¹¹ Suara Pembaruan, 08.11.2016.
- ¹² Цит. по: The Straits Times (Singapore), 09.01.2017.
- ¹³ The Jakarta Post, 31.12.2014.
- ¹⁴ Kompas, 22.12.2014.
- ¹⁵ The Jakarta Post, 22.01.2014.
- ¹⁶ The Jakarta Post, 19.09.2013.
- ¹⁷ Antara News, 09.04.2015.
- ¹⁸ Republika, 06.02.2018.
- ¹⁹ Suara Pembaruan, 09.06.2014.
- ²⁰ Suara Pembaruan, 12.12.2014.
- ²¹ Antara News, 05.05.2015.
- ²² Republika, 26.12.2016.
- ²³ Antara News, 27.05.2015.
- ²⁴ Sinar Harapan (Jakarta), 04.02.2015.
- ²⁵ Suara Pembaruan, 07.08.2017.
- ²⁶ Suara Merdeka (Jakarta), 21.01.2018.
- ²⁷ The Jakarta Post, 25.05.2015.
- ²⁸ The Jakarta Post, 07.02.2015.
- ²⁹ The Jakarta Post, 05.09.2016.
- ³⁰ Antara News, 19.09.2016.
- ³¹ Suara Pembaruan, 19.10.2016.
- ³² Gatra News, 18.01.2016.
- ³³ Antara News, 26.07.2017.
- ³⁴ The Jakarta Post, 05.08.2017.
- ³⁵ Antara News, 02.06.2016.
- ³⁶ <https://theintercept.com/2017/04/18/trumps-indonesian-allies-in-bed-with->
- ³⁷ Suara Merdeka, 24.04.2017.
- ³⁸ Gatra News, 05.06.2017.
- ³⁹ Suara Merdeka, 18.06.2017.
- ⁴⁰ Republika, 23.06.2017.
- ⁴¹ The Straits Times, 09.01.2017.
- ⁴² Suara Pembaruan, 09.01.2017.
- ⁴³ The Jakarta Post, 11.01.2017; Antara News, 13.01.2017.
- ⁴⁴ Republika, 10.01.2017.
- ⁴⁵ Republika, 16.01.2017.
- ⁴⁶ Gatra News, 09.10.2017.
- ⁴⁷ Republika, 13.10.2017.
- ⁴⁸ Republika, 06.10.2017.
- ⁴⁹ Antara News, 08.12.2017.
- ⁵⁰ Antara News, 04.12.2017.
- ⁵¹ Gatra News, 14.12.2017.
- ⁵² Suara Merdeka, 13.11.2017.

- ⁵³ Gatra News, 20.12.2017.
⁵⁴ Suara Merdeka, 21.12.2017.
⁵⁵ Gatra News, 19.01.2018.
⁵⁶ Suara Merdeka, 24.02.2018.
⁵⁷ Suara Pembaruan, 24.01.2018; 19.06.2017.
⁵⁸ Antara News, 23.01.2018.
⁵⁹ Republika, 06.02.2018.
⁶⁰ Antara News, 01.03.2018.